

Поселенице.

Преподобный Ниль Сорскій, личность и значеніе его въ исторіи русскаго монашества.

(По поводу 400-лѣтія со дня кончины 7-го мая 1508—1908 г.г.).

Въ Кирилловскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, гдѣ совершилъ свой жизненный подвигъ и основалъ знаменитую свою обитель преподобный Кирилль Бѣлозерскій, есть мѣста, отличающіяся дивною красотою. Такъ видъ съ горы Мауры, откуда преподобный Кирилль впервые увидѣлъ мѣсто, назначенное ему Богоматерью, принадлежитъ къ числу великолѣпнѣйшихъ красотъ природы, передъ которыми меркнуть даже виды Швейцаріи, Италіи, Аппенинъ и Альпъ. Кругозоръ обнимаетъ пространство нѣсколькихъ десятковъ верстъ. Голубѣетъ своими извиаами полноводная Шексна, разстилается озеро Сиверское, встаютъ въ осѣненіи золотыхъ главъ одиннадцать храмовъ, стѣны и башня Кириллова монастыря, лежатъ, какъ опрокинутыя къ верху зеркала, безчисленные озера. А тамъ, зеленѣютъ лѣса, луга и нивы, желтѣютъ поля ржи, бурѣютъ песчаные берега и холмы.

Но вотъ, вѣковъ пять тому назадъ, жилъ человекъ, который уклонилъ взоръ свой отъ этой богозданной, торжествующей и умиляющей красоты и въ 15 верстахъ отъ нея избралъ себѣ унылое убѣжище.

Дико, пустынно и мрачно то мѣсто, гдѣ Ниль преподобный основалъ свой скитъ;

почва ровная, но болотистая. Кругомъ лѣсъ, болѣе хвойный, чѣмъ лиственный; рѣчка Сорка, откуда получилъ прозваніе преподобный, не вьется, а скучно тянется и похожа болѣе на болото, чѣмъ на текущую воду. Среди этой природы, трудно отыскать мѣсто, болѣе уединенное и скучное, чѣмъ эта пустыня. Видъ его съ перваго раза даетъ понять, чего искалъ здѣсь преподобный и совершенно соотвѣтствуетъ характеру его духовныхъ созерцаній.

Свѣдѣнія о жизни преподобнаго Нила крайне скудны. Есть извѣстіе, что въ первые годы послѣ его смерти существовало «преданіе о святомъ житіи его», но черезъ 30 лѣтъ по его кончинѣ совершилось разореніе отъ казанскихъ людей, во время котораго рукописи о преподобномъ Нилѣ сгорѣли, такъ что тѣ свѣдѣнія, которыя о немъ сохранились, представляютъ собой уже записи устныхъ преданій. О мірской жизни Нила ничего неизвѣстно. Въ одной рукописи существуютъ приписки позднѣйшей руки «глаголють нѣдѣи о преподобномъ Нилѣ Сорскомъ: бѣ родомъ отъ великаго города Москвы». Родился онъ около 1433 года и, какъ сказано въ одномъ древнемъ письмѣ, былъ «по реклу (т. е. по прозванію) Майковъ». Самъ онъ говоритъ о себѣ въ одномъ мѣстѣ: «о себѣ не смѣю творити что, понеже невѣжда и поселянинъ есмь», но какъ образованіе, такъ и фамилія его показываютъ, что поселяниномъ, т. е. крестьяниномъ, называетъ онъ себя изъ смиренія и указывая на то, что жилъ внѣ городовъ; тѣсная же его связь съ представителемъ тогдашней Московской знати показываетъ скорѣй на то, что онъ принадлежалъ къ старинному дворянскому роду.

Еще до вступленія въ монашество Нилъ занимался переписываніемъ книгъ—былъ скорописцемъ. Несомнѣнно, что знакомство съ тогдашней литературой оказало на Нила вліяніе въ смыслѣ ухода изъ міра.

То было время наиболѣе сильнаго развитія въ русскомъ обществѣ аскетическихъ идеаловъ. Много причинъ толкало тогда русскаго человѣка въ иноческія обители. Прежде всего, русскіе люди были невѣроятно утомлены постоянными тревогами политической жизни; за періодъ 250 лѣтъ XIII, XIV и XV вѣковъ на сѣверо-востокъ Руси пришлось 90 внутреннихъ и 160 вѣшнихъ войнъ. Жизнь гражданская представляла собой страшныя несправедливости: насиліе со стороны сильныхъ, хитрость и коварство слабыхъ, общественная несправедливость и недоброжелательность при постоянныхъ набѣгахъ и внутреннихъ распряхъ. Населеніе укрывало свои сокровища въ монастыри. Туда же, въ эти единственные очаги духовныхъ идеаловъ, чуткіе люди укрывали свою душу.

Къ страданіямъ, обусловленнымъ политическими несчастіями, прибавлялись еще бѣдствія стихійныя: морь, засухи, голодовки, губительныя повѣтрія и пожары, указаніями на которыя пестрѣютъ тогдашнія лѣтописи.

Жизнь была больная, темная, унылая и жестокая, и отъ этой жизни люди укрывались въ монастыри.

Кромѣ этихъ внѣшнихъ причинъ, едва человѣкъ соприкасался съ тогдашней литературой, какъ мало-по-малу онъ подчинялся аскетическимъ взглядамъ на жизнь, такъ какъ вся тогдашняя литература была исключительно духовная и проводила монастырскіе идеалы. Человѣкъ еще до постриженія становился инокомъ и само постриженіе было лишь символомъ давно уже совершившейся перемѣны.

Наконецъ, для человѣка созерцающаго, думающаго и интересующагося знаніемъ, не было мѣста иначе, какъ въ монастырѣ, потому что монастыри были единственными очагами образованности.

Вотъ, вслѣдствіе какихъ разнообразныхъ и сложныхъ причинъ, тогдашніе монастыри росли такъ скоро, наполнялись такъ

обильно. Многие изъ поступавшихъ не исполняли строго требованій иночества и вели его съ помощью міра къ паденію. Но встрѣчались и люди крѣпкаго закала, къ числу которыхъ принадлежитъ и преподобный Нилъ.

Можно полагать, что Нилъ поступилъ въ обитель въ лѣтахъ молодыхъ и былъ подвижникомъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, основатель котораго преподобный Кириллъ скончался за нѣсколько лѣтъ до рожденія Нила, такъ что завѣты преподобнаго Кирилла были еще живы въ монастырѣ среди непосредственныхъ учениковъ его. Жизнь въ Кирилловѣ монастырѣ была крѣпкая, строгая. Въ церкви никто не бесѣдовалъ съ другимъ и не выходилъ раньше конца. Послѣ трапезы всѣ расходились по келліямъ, не разговаривая другъ съ другомъ, и никто, кромѣ крайне настоятельной нужды, не входилъ къ другому въ келлію. Когда иноку приходило письмо или посылка, то письмо нераспечатанное относилось къ игумену. Равнымъ образомъ не позволялось посылать писемъ, не показавъ ихъ игумену. Въ монастырѣ и кельѣ не допускалось никому имѣть ничего своего, даже называть своимъ, все считалось общимъ, а имени серебра и золота даже не произносилось между братьями. Войдя въ келлію къ иноку, можно было видѣть только икону и книги, такъ велико было стремленіе къ нестяжательности. На полевые работы являлись всѣ иноки съ игуменомъ во главѣ. Между иноками не было ни празднословія, ни бесѣдъ мірскихъ, всѣ хранили молчаніе и богомудріе.

Замѣчательно, что преподобный Кириллъ не разъ отказывался отъ селъ, которыя предлагались ему набожными мірянами и многіе изъ его учениковъ усвоили его взгляды на непригодность для монастырей владѣть землями: взглядъ, защитѣ котораго посвятилъ свое перо, какъ извѣстно, преподобный Нилъ.

Въ числѣ старцевъ, жившихъ въ Кл-

рилловѣ монастырѣ и имѣвшихъ на духовный складъ Нила большое вліяніе, былъ извѣстный Паисій Ярославовъ. Этотъ старецъ пользовался большимъ уваженіемъ при великокняжескомъ дворѣ. Впослѣдствіи былъ одно время игуменомъ Троице - Сергіевскаго монастыря, но ушелъ оттуда, потому что не могъ обратить чернецовъ на «путь Божій, на молитвы, постъ и воздержаніе» и за требованіе строгаго исполненія монашескихъ обѣтовъ троицкіе иноки будто бы обѣщали его убить. Великій князь предлагалъ Паисію даже митрополичью кафедру, отъ которой онъ отказался.

Во дни Нила велась въ Кирилловѣ монастырѣ ожесточенная борьба между старцами, помнившими завѣты Кирилла и иноками, пришедшими извнѣ и нарушавшими завѣты преподобнаго Кирилла. Такимъ образомъ, на примѣрахъ троицкихъ иноковъ и Паисія съ одной стороны, Кирилловыхъ старцевъ и новыхъ пришельцевъ съ другой, мы видимъ примѣръ той борьбы двухъ направленій въ нашемъ монашествѣ, которая уже тогда началась, а впослѣдствіи получила болѣе яркое выраженіе въ полемикѣ съ Іосифомъ Волоцкимъ.

Въ монастырской жизни Кирилловыхъ иноковъ была одна роскошь—это обиліе книгъ, такъ что помимо бесѣды съ такими «заволжскими старцами», какъ Паисій, Нилъ черпалъ церковную мудрость изъ обширной монастырской бібліотеки. Какъ разъ въ то время, къ которому можно отнести пребываніе Нила въ Кирилловѣ, при игуменѣ Касьянѣ бібліотека монастыря значительно обогатилась, и въ монастырѣ завелось много писцовъ.

Затѣмъ мы видимъ Нила на востокѣ: онъ путешествовалъ по востоку и жилъ на Аѳонѣ со своимъ ученикомъ Иннокентіемъ изъ боярскаго рода Охлябинныхъ и провелъ тамъ довольно долгое время. Это путешествіе имѣло рѣшающее вліяніе на мысли Нила. Онъ принесъ изъ Аѳона образъ скитской жизни, которому

сочувствовалъ и раньше. Здѣсь же онъ могъ изучить и въ славянскихъ переводахъ и въ подлинникахъ тѣхъ писателей, на которые любилъ ссылаться въ своихъ сочиненіяхъ. То были творенія Ефрема Сирина, Нила Синайскаго, Іоанна Лѣствичника, Варсонофія, Исаака Сирина, Максима Исповѣдника, Дорофея, Симеона Новаго Богослова, Григорія Синаита. Но,— что еще важнѣй,—Аѳону былъ Нилъ обязанъ идеей созерцательной жизни, такъ какъ тамошніе монастыри отличались передъ всѣми монастырями созерцательнымъ элементомъ.

По окончаніи своего странничества, Нилъ вернулся въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и поселился въ кельѣ, недалеко отъ монастыря. Вскорѣ же однако онъ совершенно удалился изъ обители: быть можетъ это совпало съ тѣмъ временемъ, когда Кирилловскіе старцы разбѣжались изъ монастыря, нетерпя поправанія и забвенія преданій преподобнаго Кирилла. Объ этомъ удаленіи изъ монастыря Нилъ говорилъ въ такихъ выраженіяхъ: «нынѣ вдалѣе отъ монастыря переселихся, понеже благодатію Божіею обрѣтохъ мѣсто удобное моему разуму, занеже мірской чади мало входно». Вообще, замкнутость была главною чертою его характера. Онъ считалъ искаженіемъ иноческаго житія обители, увлеченныя на пути мірскаго попеченія, гоньбы за деньгами и стяжанія обширныхъ вотчинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Преподобный Ниль Сорскій, личность и значеніе его въ исторіи русскаго монашества.

(По поводу 400-лѣтія со дня кончины 7-го мая 1508—1908 г.г.).

Сперва преподобный Ниль жилъ въ своемъ уединеніи совершенно одинъ, и «отрицая» отъ желавшихъ къ нему присоединиться. Наконецъ, послѣ долгихъ просьбъ, онъ согласился принять нѣкоторыхъ, но съ условіемъ, чтобы они «хранили заповѣди Божіи и творили преданія святыхъ отецъ». Для ознакомленія съ этимъ Ниль и написалъ свое извѣстное «Преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ».

Въ тишинѣ и уединеніи скита своего Ниль могъ вполнѣ отдаться духовно-литературнымъ занятіямъ своимъ, чтобы передать какъ ближайшимъ личнымъ ученикамъ своимъ, такъ и будущимъ поколѣніямъ русскихъ иноковъ все, что онъ продумалъ, прочувствовалъ за время своего иночества: какъ сокровища аскетической православной письменности, такъ и выводы собственнаго своего опыта.

Кромѣ «преданія» до насъ дошли нѣсколько его обширныхъ писемъ и 12-ть «главъ» — словъ о борьбѣ со страстями или, точнѣе сказать, съ зародышами страстей: съ помыслами.

Пользуясь въ Москвѣ большимъ уваже-

¹⁾ Окончаніе. См. № 18—19 «Церк. Вѣд.» за 1908 г.

ніемъ, Нилъ не разъ былъ вызываемъ на соборы. На соборѣ 1503 года, когда уже часть членовъ его, и, между прочимъ, извѣстный Іосифъ Волоцкій, разѣхались, Нилъ поднялъ вопросъ о вредѣ для монастырей владѣть недвижимымъ имуществомъ. Современникъ говоритъ: «Нача старецъ Нилъ глаголати, чтобъ у монастырей сель не было, а жили бы чернецы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ». Поднятый имъ вопросъ былъ слишкомъ важенъ; былъ вызванъ обратно Іосифъ; поднялась горячая полемика. Собоображенія практическія и культурнаго характера одержали верхъ надъ внушеніями иноческаго идеализма.

Но не въ томъ дѣло, что мнѣніе Нила не восторжествовало и осталось лишь безплотной высокою мечтой. Важно, что устами Нила древняя русская жизнь просвѣтлила идею монашества, поставила на подобающую высоту тотъ идеаль, который всегда будетъ въ послѣдующихъ вѣкахъ на глазахъ и въ сердцѣ всѣхъ, кто познаетъ стремленіе къ равно-ангельной жизни.

Пять лѣтъ спустя по выступленіи своемъ на этомъ соборѣ, преподобный Нилъ почилъ 7 мая 1508 года. Передъ смертью онъ завѣщалъ ученикамъ своимъ бросить тѣло его въ ровъ, и похоронить «со всякимъ безчестіемъ». Какъ и при жизни онъ изъ всѣхъ сплъ старался не принять никакой чести и никакой славы. Эта великая жажда безвѣстности, великое посмертное смиреніе получили почти полное удовлетвореніе. Нилъ остался малоизвѣстнымъ. Правда, въ нѣсколькихъ рукописяхъ довольно рано встрѣчаются слѣды службы ему; но, кажется, это было лишь мѣстною попыткой, и еще въ 18-мъ вѣкѣ даже въ его пустыни, по Нилѣ пѣли панихиды.

Значеніе Нила Сорскаго въ томъ, что онъ своею жизнію и—того важнѣе—писаніями своими является проповѣдникомъ иночества созерцательнаго, духовнаго, то есть аскетизма въ его чистѣйшемъ, высшемъ видѣ.

На Аеоны питалъ онъ свой духъ наставленіями великихъ пустынныхъ отцовъ, которые, путемъ внутренняго очищенія и непрестанной молитвы, совершаемой умомъ въ сердцѣ, достигали свѣтоносныхъ озареній духа: высшей таинственной радости. Проложенною этими аскетами дорогою пошелъ и Ниль, и по этой же дорогѣ повелъ за собою своихъ учениковъ.

Мудрость свою, взгляды на жизнь онъ черпалъ въ чистомъ источникѣ Священнаго Писанія, отказываясь довѣряться голымъ внушеніямъ разума. «Наипаче испытую Божественная писанія: прежде заповѣди Господня и толкованія ихъ, и Апостольскія преданія; та же житія и ученія св. Отець, и тѣмъ внимаю, и яже согласна моему разуму (т. е. то, что понимаю) ко благоугожденію Божію и къ пользѣ души, списую себѣ, и тѣми поучаюся, и въ томъ животъ и дыханіе мое имѣю... И аще что лучится творити ми, аще не обрящу то во святыхъ писаніяхъ, отлагаю се на время, дондеже обрящу: понеже по своей воли, и по своему разуму, не смѣю что творити».

И вотъ, изъ этого «испытанія» Божественныхъ Писаній, житій и ученій святыхъ Отець онъ и вынесъ какъ внѣшнее устроеніе скитской жизни, такъ и духовныя ея начала.

И, прежде всего, онъ устанавливаетъ такую заповѣдь. «Предано есть намъ, яко да отъ праведныхъ трудовъ своего рукодѣлія и работы дневную пищу, и прочія нужныя потребности себѣ приобрѣтаемъ». Въ случаѣ недостаточности заработка Ниль допускаетъ принимать небольшія подаянія, но только на крайне необходимое. Собираніе же имѣній онъ называетъ «ядомъ смертоноснымъ».

Милостыню инока Ниль понимаетъ духовно: молитва, совѣтъ, утѣшеніе. Какъ подаетъ матеріальную милостыню, монахъ, когда онъ самъ—нищій? Преподобный Ниль приводитъ слова Варсанофія великаго: «истинный инокъ тотъ, которому не

приходится творить милостыню. Онъ чисто-сердечно можетъ сказать: «се мы оставихомъ вся и вслѣдъ Тебѣ идехомъ».

Скорбя объ одной изъ величайшихъ язвъ тогдашняго монашества, бродяжничествѣ, Нилъ позволяетъ выходить изъ обители лишь въ исключительныхъ, рѣдкихъ и крайнихъ случаяхъ.

Онъ считаетъ излишнею всякую роскошь въ украшеніи храмовъ и приводитъ слова Златоуста: «Если кто проситъ совѣта на счетъ своего желанія пожертвовать въ церковь драгоценные сосуды или иное украшеніе, прикажи ему раздать нищимъ».

Мнѣнія Нила о постѣ были тоже отличны отъ мнѣній его современниковъ. Если онъ совѣтуетъ юнымъ смирять тѣло постомъ, жаждою и трудомъ, то «старіи и немощніи да унокоютъ себе мало». Вотъ всѣ его слова о постѣ, тогда какъ въ другихъ уставахъ того времени этотъ вопросъ излагался съ удивительными подробностями и тонкостями.

Духъ, духъ, духъ: царство духа—вотъ что представляется вамъ, когда вы стараетесь вникнуть въ стремленія преподобнаго Нила.

Для него подвижничество—не извѣстная внѣшняя выдержка, не трафаретъ поклоновъ, четокъ и извѣстнаго количества кое-какъ выслушанныхъ богослуженій, кое-какъ отправленныхъ келейныхъ «правиль», за которыми можно потомъ заняться «мятежомъ» мірскимъ.

Нѣтъ!... Міръ Нила—другой. Это—стяжаніе Бога, тамъ, въ глубинѣ отрѣшившагося отъ «житейскаго попеченія» сердца. Его пиры—это невидимая вечеря съ тѣмъ, кто сказалъ: «Я стою у двери твоей, и стучу... Отвори мнѣ, и я войду къ тебѣ, и ты будешь вечерять со Мною, и я съ тобой».

Въ основу скитской жизни Нилъ поставилъ *умное* или *мысленное дѣланіе*. Это сокровенная сосредоточенная работа духа надъ самимъ собой. Надо напречь все

свое вниманіе въ наблюденіи надъ собой. Надо этимъ вниманіемъ не допустить къ сердцу пожеланій, страстей. И лучшее средство—это «вниди въ клѣтъ твою»—удаленіе въ тишину своего духовнаго существа, и тамъ высокая ничѣмъ неразвлекаемая молитва, на крыльяхъ которой человѣкъ возносится до высокихъ созерцаній. Оттуда, изъ этой священной тишины, духъ управляетъ умомъ и сердцемъ. Мимолетные, скоропреходящіе порывы религіознаго человѣка, смѣняющіеся мірскими откликами, складываются теперь въ крѣпкое, постоянное настроеніе, и житейскіе соблазны становятся надъ человѣкомъ безсильны. Нилъ въ себѣ и въ ученикахъ своихъ не только стремился убить грѣхъ: онъ стремился къ тому, чтобъ въ душѣ не могъ даже возникнуть помыселъ о нарушеніи заповѣдей.

И вотъ, наступаютъ дни, когда на этой подготовленной почвѣ внутренняго міра человѣческаго начинается божественная тайна. Къ душѣ слетаетъ «неизреченная радость». Языкъ перестаетъ шептать слова хвалы, молитва уже не нужна. Умъ—«кормчій чувствъ» уже водится не собою, а какою-то чудною «силою иной». Это открылось то дивное состояніе, когда «не молитвой молится умъ, но превыше молитвы бываетъ», когда существо человѣческое наполняется предчувствіемъ вѣчнаго блаженства.

Таковы плоды той отрѣшенной отъ всего мірскаго чистѣйшей молитвы, которая называется на языкѣ аскетовъ «умное дѣланіе» и открываетъ имъ громадныя духовныя горизонты, давая порою минуты сверхчувственной радости. Читавшіе аскетическія книги люди знаютъ, что долгими трудами пріобрѣтается этотъ даръ «умной молитвы», и мы уже вкратцѣ здѣсь говорили о таинственныхъ путяхъ къ ней.

Жизнь и счастье духа: вотъ къ чему звалъ учениковъ своихъ преподобный Нилъ Сорскій.

Зваль—и много было званыхъ, а мало избранныхъ.

Кому не знакомъ привычный типъ старой русской обители?

На привольѣ веселыхъ холмовъ, господствуя надъ серебристыми струями рѣки, стоитъ—красуется обитель. Бѣлы, высоки ея стѣны съ зубцами, съ башнями, тяжелыми воротами. Высоко къ небу подняли золотые кресты могучіе купола соборовъ. Какая слава тамъ, внутри стѣнъ ихъ! Золотомъ сверкають высокіе иконостасы; тяжелыя серебряныя паникадила спускаются со сводовъ; драгоценными камнями сіяють оклады иконъ, и горять пудовыя свѣчи, зажженные усердіемъ богатыхъ богомольцевъ. Сколько великолѣпія внесено сюда благоговѣніемъ, предчувствіемъ неземной красоты и стремленіемъ въ ней человѣческаго сердца.

Теперь представьте себѣ низкую мѣстность съ болотистой рѣченкой. Бѣдная тѣсная церковка изъ бревень, ограды нѣтъ. По лѣсу разбросаны кельи. Это скитъ старца Ила у рѣки Сорки.

Суровъ съ виду старецъ, но какой миръ на лицѣ, и кто слыхалъ живое краткое слово изъ его молчаливыхъ устъ, не забудеть, какой любовью горять его глаза и какъ украдкой сверкають въ нихъ умиленные слезы.

Но отчего открыто намъ только внѣшнее? Отчего только видимая красота поражаетъ нашъ взоръ?

Еслибъ мы такъ же созерцали духъ, какъ смотримъ на міръ внѣшній: то предъ дивными озареніями, посланными душѣ великаго русскаго скитянина, мы бы испустили крики восторга.

Но нѣтъ.—Все скрыто тамъ, внутри. Все тайна между уединенной безмолвной душой и ея Богомъ. И какъ мало доступна и сколь непонятна міру захватывающая красота этой жизни...

Е. Поселянинъ.